

Проснувшись утром, Кен обнаружил, что Хао уже нет рядом. Юноша сладко зевнул — усталость всё ещё сковывала тело, а веки казались налитыми свинцом, но внутренние биологические часы, отличавшиеся редким упрямством, настойчиво требовали подниматься.

Со вздохом поднявшись с футона и наскоро умывшись, Кен приготовился к продолжению бесконечных свадебных обрядов.

Свадебные торжества в эту эпоху отличались невероятной сложностью. И пусть за пышным фасадом скрывались лишь политические интриги, неприкрытое кумовство и грязные сделки, священные ритуалы требовалось исполнить безукоризненно.

Второй и третий дни пролетели в этой удушающей суматохе. Кен вымотался настолько, что едва передвигал ноги.

«Пока не стану таким же сильным, как учитель, расшибусь в лепёшку, но займусь физической подготовкой!» — в изнеможении думал он.

Пусть его духовная сила и возросла многократно, плоть оставалась хрупкой, человеческой. Кен наконец-то наедался досыта, но простая пища тех времён не отличалась особым разнообразием и питательностью. Рано или поздно даже подпитываемое магией тело начинало сдавать под гнѐтом усталости.

С этим оставалось только смириться.

Когда предсвадебная кутерьма наконец улеглась, Кен чувствовал себя выжатым до последней капли.

— Так дело не пойдёт, — Хао мягко рассмеялся и легонько постучал веером по макушке ученика. — Если ты решишь жениться, неужели тоже свалишься без сил от праздничной суеты? Признавайся, когда твоему учителю пора отправлять сватов?

— Ох! — Кен испуганно подскочил и уставился на него округлившимися глазами. — Учитель, пощадите, умоляю!

— Тебе уже пятнадцать, а после Нового года пойдёт шестнадцатый. Самое время задуматься об очаге, нет? — Хао мягко шурился, но за этой вежливой маской скрывались мысли, прочесть которые не смог бы никто во всей Поднебесной.

Кен только мысленно простонал. С этим возрастом его знатно надули. Как-то раз Хао разложил для него гадальные кости, и выяснилось, что Кен родился на исходе года. Из-за причуд здешнего исчисления его «номинальный» возраст опережал фактический аж на два года! То есть на самом деле ему едва исполнилось тринадцать, а после Нового года стукнет лишь четырнадцать. Какая свадьба в такие нежные года? Он же ещё совсем зелёный!

«Если так рано познать радости супружеской жизни, то и мужское здоровье можно растерять к двадцати годам!»

Выпустив пар в мысленном монологе, Кен упрямо мотнул головой:

— И думать об этом не желаю. Рано мне ещё. Вот когда сравняюсь годами с вами, учитель, тогда и поговорим.

Да и к чему пустые хлопоты, когда на повестке дня стоял куда более насущный вопрос — как заработать побольше денег?

Земли Идзумо встретили их неласково. Здесь безраздельно властвовал синтоизм, и суеверный люд по любому поводу спешил в храмы к тамошним жрецам. Если же дело оказывалось слишком скверным и его перепоручали оммёдзи, выпросить у местных скупердяев достойную плату было делом гиблым.

Крестьяне до последнего медяка несли подношения богам, а богатые феодалы и вовсе брали под крыло целые святилища, не оставляя бродячим мастерам тайного знания ни единого шанса на приличный куш.

За те полгода, что они провели в провинции, Кен, кажется, потратил больше, чем умудрился скопить. Не проведи он последний месяц в уединении в глухих горах, укрепляя дух и волю, Кен при взгляде на пустеющий кошель точно взвыл бы от досады.

— И всё-таки в бережливости тебе не откажешь, — Хао усмехнулся и задумчиво погладил подбородок. — Что ж, раз душа твоя тоскует по золоту, собирай вещи. Нам пора возвращаться в Хэйан.

— Неужели в столице что-то случилось? — изумился Кен.

— Доходили ли до тебя слухи об Абэ но Масахиро? — негромко спросил учитель.

— О молодом господине Масахиро? — Кен наморщил лоб. — Слышал только, что полгода назад Сеймей-доно объявил его своим преемником. А что с ним стряслось?

— Это полугодие выдалось у мальчишки на редкость бурным, если не сказать лихим, — усмехнулся Хао. Приключения юного Абэ и впрямь не поддавались иному описанию: едва уцелев в стычке с Кюки, бедняга умудрился угодить прямо в горнило ритуала по призыву Ямата но Орочи. Но, что самое удивительное, вновь вышел сухим из воды. Поистине, баловень судьбы.

— Раз уж вы так говорите, учитель, этот парень наверняка повстречал нечто из ряда вон выходящее? — Кен с любопытством подался вперёд. Сам он в последнее время так усердно

постигал тайные искусства и пытался свести концы с концами, что столичные новости его мало волновали.

Судя по весёлым искоркам в глазах учителя, у его столичного собрата по ремеслу жизнь была ключом — и всё больше по голове.

— Пустяки, мелкие неурядицы, — Хао поудобнее устроился на татами и вдруг мягко прищурился. — Впрочем, наш сегодняшний гость уже у порога.

Едва сорвались эти слова, как по саду пронёсся внезапный вихрь, взметнув ворох увядших листьев. Сквозь полупрозрачную дымку проступили очертания человеческой фигуры. Незнакомец, придерживая руками белую, расшитую защитными знаками завесу, неторопливо шёл к веранде.

Подойдя к самому краю настила, путник опустил руки. Тончайшая ткань скользнула наземь и бесследно растворилась в воздухе. Перед ними предстал мужчина поразительной красоты: его длинные серебристо-белые волосы мягко сияли в лунном свете, а белоснежное каригину лишь подчёркивало величавую осанку. Благородные черты лица тронула мягкая улыбка, рождающая странное чувство тепла и доверия.

— Доброго вечера, господин Асакура, — мягким, чарующим голосом произнёс гость. — И тебе, юный Кен.

Пока Кен ошарашенно пытался понять, откуда этот таинственный незнакомец знает его имя, Хао уже принял из рук невидимого сикигами чарку с вином и приветственно приподнял её.

— Доброго вечера, Абэ но Сеймей-доно.

Что?! Кен едва шею не свернул, уставившись на учителя. Этот ослепительный юноша — тот самый дряхлый старик Абэ но Сеймей?!

— О, вижу, от тебя ничего не утаишь, Хао, — Сеймей небрежным жестом стряхнул с плеч остатки защитного барьера. Он устроился рядом с хозяином дома так непринуждённо, словно заглянул к старому другу, принял предложенную чашу и с лёгким стуком коснулся чарки Хао.

— Дошли лишь обрывки слухов, — уклончиво ответил Хао. — Вы подняли такую бурю в землях Идзумо, что старейшины Асакура не на шутку испугались грядущей распри с Куницуками. Вот и отправили меня в роли миротворца, дабы сгладить углы.

— Полно тебе скромничать, — покачал головой Сеймей. — Я долго гадал, кто же тот безрассудный храбрец, что спустился в самое пекло царства мёртвых, дабы вытащить оттуда Масахиро. Теперь я вижу, что не ошибся.

Сеймей поставил чашу, поднялся и с редкой для него серьёзностью низко поклонился:

— Моя благодарность не знает границ.

— К чему эти условности? — Хао лёгким жестом остановил его. — Масахиро — славный малый, к тому же твоя плоть и кровь. Разве мог я безучастно взирать на гибель внука старого друга? Однако чует моё сердце, Сеймей-доно, явился ты под покровом ночи не ради вежливых речей.

Сеймей бросил на него долгий, пронизательный взгляд, затем мимолётно оглядел Кена, который сидел тише воды ниже травы, силясь переварить услышанное, и кивнул.

— Твоя правда. У меня есть к тебе дело, требующее величайшей тайны и твоего непревзойдённого мастерства.

— Говори без утайки, — отозвался Хао. С самого начала беседы он безуспешно пытался уловить отголоски мыслей великого оммёдзи. Разум Сеймея оставался безмолвной, надёжно запечатанной цитаделью.

— Я пришёл просить тебя о содействии. Помоги мне сделать так, чтобы имя «Абэ но Сеймей» примерил на себя другой человек, — заговорщически произнёс гость.

Хао на миг лишился дара речи. Он медленно приподнял бровь:

— Вот как?.. И что же сие означает?

— Десять лет назад, когда почил Хамодзи Тадамото-доно, не ты ли приложил руку к тому, чтобы одарённый гадатель Ибараги Бансай предстал пред миром в его обличье? — Сеймей устремил взор на молодого учителя и тяжело вздохнул. Не обрети он бесценный дар своей матери, эта великая тайна так и осталась бы для него за семью печатями.

— Истинная правда, — без тени смущения подтвердил Хао. Двумя пальцами он резко захлопнул веер, и его лицо в призрачном лунном свете на мгновение показалось Кену пугающе холодным. — Хамодзи Тадамото мало того что осквернял звание оммёдзи, он и человеком-то называться не заслуживал.

— Твоя правда, — согласился Сеймей. Припомнив, каким вздорным самодуром был покойный Хамодзи, он невольно восхитился непостижимым искусством Хао. Сотворить столь совершенный морок, способный обмануть даже близких родичей и верных учеников подменённого — на такое не отважился бы ни один смертный.

— Впрочем, не ради воспоминаний о покойном ты проделал этот путь, — Хао легонько постучал сложенным веером по ладони, и голос его вновь обрёл прежнюю холодность.

— Верно. Да и признаться, Бансай-доно справляется со своей ролью куда лучше, нежели прежний хозяин имени, — Сеймей самокритично усмехнулся. — Я прошу тебя, Хао: соверши это чудо ещё раз. Помоги мне уйти на покой, отдав имя «Абэ но Сеймей» другому.

С толикой досады он пропустил сквозь пальцы шелковистую серебряную прядь.

— Полмесяца назад моя матушка, великая лиса Сёка, дабы спасти мне жизнь, вручила мне свою жемчужину духа. Но я и помыслить не мог, какими последствиями обернётся это спасение...

— Похоже, моё чутьё меня не обмануло, — покачал головой Хао, всматриваясь в безупречное лицо собеседника. — Сеймей-доно, отныне в твоих жилах течёт лишь чистейшая кровь небесного лиса?

— Увы, — развёл руками Сеймей. Ему и самому было не по себе: полукровка, всю жизнь балансировавший на грани двух миров, после слияния с жемчужиной окончательно отринул человеческую природу, обратившись в древнее божество-лиса.

— Защитник столицы Абэ но Сеймей не может предстать пред миром чудовищем. И уж тем более — вечно молодым колдуном, не подвластным ходу времён, — Сеймей сокрушённо вздохнул. — Какая нелепость... А ведь я надеялся вскоре уйти за Грань, к моей милой Вакане. Похоже, бедной моей супруге придётся томиться в ожидании ещё не одно десятилетие.

Хао погрузился в глубокое молчание, мерно постукивая пальцами по колену.

— Обряд выполним, — наконец произнёс он. — Но с одним условием: тебе придётся выманить из столицы Асию Домана и Камо но Ясунори. Лишь когда их не будет рядом, я смогу соткать этот великий морок. Однако...

Он устремил на Сеймея суровый, пронизательный взор:

— Клан Абэ слишком велик, чтобы исчезновение его столпа прошло бесследно. Подумал ли ты, под какие удары подставишь своих близких, лишив их защиты? Твой преемник вряд ли унаследует твою силу и широту души. Готов ли ты к последствиям?

— Обижаешь! — Сеймей расплылся в широкой, беззаботной улыбке. — Уж в ком-ком, а в Масахиро я уверен больше, чем в себе самом!

— Будь по-твоему, — Хао тихо вздохнул, признавая поражение перед этой упрямой верой. — Кто же примерит на себя твоё обличье? Есть ли достойный преемник на примете?

— О да, лучшей кандидатуры не сыскать, — Сеймей очертил пальцем в воздухе плавный круг. Пространство под его рукой подёрнулось зыбью, являя призрачное свечение, сквозь которое

проступил облик некоего мужа.

— Этот муж... как бы выразиться точнее, — лицо Хао приняло весьма озадаченное выражение, когда он уставился на заросшего дремучей бородой детину в кольце призрачного света, — куда больше напоминает не тебя, а этого старого нечёсаного Асию Домана!

Сеймей лишь задорно подмигнул ему, ничуть не смутившись:

— А разве не в этом вся соль? Представь, какое начнётся веселье!

<http://bllate.org/book/18244/1748206>